

Женская проза Индонезии конца XX – начала XXI века

Аннотация: В статье представлен обзор основных имен и произведений женской прозы Индонезии с конца 1990-х гг. по настоящее время – время расцвета гендерной тематики в кинематографе и литературе этой страны. Женская литература састра ванги поднимает прежде табуированные темы.

Самая знаменитая писательница Индонезии – Айю Утами, автор многочисленных романов. С выходом ее первого романа «Саман» (1998) связывают массовое увлечение женской прозой. Остросоциальные вопросы и личные проблемы женщин ставятся также в творчестве Джулии Сурьякусумы, («Джихад Джулии», 2013), в фильмах Ниа Динаты («Как поделить мужа», 2006; «Женщины с историями», 2008), в сборнике рассказов Джэнар Маэса Айю («Они говорят, я обезьяна!», 2001), в прозе Динар Рахайю («Ода Леопольду фон Захеру-Мазоху», 2002), Деви Лестари («Супернова», 2000–2016), Ратих Кумалы («Девушка с гвоздичной сигаретой», 2012). Популярность женской прозы в Индонезии говорит о том, что именно авторы-женщины выходят на авансцену современного литературного процесса этой страны.

Ключевые слова: современные писательницы Индонезии, постмодернизм, женская проза, гендерные исследования, феминизм, Айю Утами, Джулия Сурьякусума, Деви Лестари, Динар Рахайю, Джэнар Маэса Айю, Ратих Кумала, састра ванги

Abstract: The article offers a round-up survey on the main names and selected works in Indonesia since 1998, with focusing on gender themes in cinema and literature. 'The Generation of Women' sastra wangi turns its attention to the gender subjects, raises up the previously tabooed themes. The most famous female writer in Indonesia is Ayu Utami, the author of 11 novels, each with a touch of gender issues, which goes to its utmost in the trilogy 'Lonely Parasite' (2003–2013). The first novel 'Saman' (1998) exploded the book market and was the first to be labelled as sastra wangi, or 'fragrant literature' due to its gender issues as they never represented before so openly.

Pressing social issues interlock with private ones in Suryakusuma's articles edited as 'Julia's Jihad' (2013); in the films of Nia Dinata ('Love to Share', 2006; 'The Chants of Lotus', 2008), in the film and the collection of short stories of the same title 'They say, I'm a Monkey!' (2001) by Djenar Maesa Ayu. Gender aspect is traced through novel 'Ode for Leopold von Zacher-Masoch' (2002) by Dinar Rahayu, 'Supernova' novel series (2000–2016) by Dewi Lestari, 'Girl with a Clove Cigarette' (2012) by Ratih Kumala. Popularity of women's writing comes into the spotlight of contemporary Indonesian literary process, turning its mainstream to face the gender themes.

Key words: modern Indonesian writers, postmodernism, women's writing, gender studies, Feminism, Ayu Utami, Julia Suryakusuma, Dewi Lestari, Dinar Rahayu, Djenaer Maesa Ayu, Ratih Kumala, sastra wangi

Вопросы отличия «женского письма» от «мужской литературы» находятся в центре внимания современных литературоведов. Пол и характер человека, зависящие от этого поведение, восприятие мира, положение в обществе, распределение ролей мужчины и женщины, вопросы сексуальности – далеко не полный список тем, которые включает в себя литература «женского рода». Резкое увеличение литературной продукции, созданной женщинами, стимулирует возрастающий интерес к этому явлению и в зарубежной и российской науке. Ее исследованием занимается французская феминистская критика (Симона де Бовуар, Элен Сиксу, Люси Иригарэ, Юлия Кристева) и англо-американская (Кейт Миллет, Элейн Шоултер). К гендерной проблематике проявляют интерес и отечественные ученые (работы И.А. Жеребкиной)¹. В последние десятилетия внимание к гендерным проблемам стремительно возрастает в литературах стран Востока. Хотя эти работы носят пока что фрагментарный характер, в российском востоковедении также ведутся исследования по женскому письму на материале целого ряда литератур.

В литературах Азии и Африки женщины-писатели, «нарушающие патриархальные запреты, снимающие покровы с Медузы»², появляются во времена, сопряженные с социальными и политическими преобразованиями XX в. Например, в китайской литературе темы равноправия, образования, роли женщины в обществе и семье встречались в произведениях женских авторов еще в 1920–1930-е гг.³ Однако особый слой «маргинальной» женской литературы, с присущей ей шокирующей откровенностью тем, формируется в последние два десятилетия. В литературе на языке хинди (Индия) рождение феномена женского письма приходится на 1970-е гг.⁴ В Индонезии, крупнейшей стране Юго-Восточной Азии, женская проза стала актуальной на рубеже XX–XXI вв.

Женское письмо в Индонезии вызывает интерес как национальной, так и зарубежной науки. Одним из самых известных литературоведов, занимающихся данной темой, является немецкая исследовательница Катрин Бандель, пишущая по-индонезийски⁵. В российском литературоведении анализ индонезийской женской прозы впервые предпринимается в 2010 г. в статье С.В. Банит «Современная женская литература в Индонезии: кризис или прорыв»⁶.

¹ Гендерная проблематика в современной литературе (Теория и история литературоведения): Сб. науч. трудов / ИНИОН РАН. М., 2010; *Жеребкина И.А.* Введение в гендерные исследования: В 2 ч. СПб.: Алетейя, 2001; *Жеребкина И.А.* Прочти мое желание... Постмодернизм, Психоанализ, Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000; Хрестоматия феминистских текстов / Пер.; под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000 (philos.nsu.ru/study/Xrest_fem_texts.pdf).

² *Шоултер Э.* Феминизм // Современная литературная теория. Антология / Сост., пер. и прим. И.В. Кабановой. М.: Флинта. Наука, 2004. С. 323.

³ Подробнее см.: Женская проза современного Китая // Современная литература Китая / Автор-сост. Ю.Г. Лемешко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2012. С. 136–146; *Чельчушева Б.К.* Особенности современной женской прозы в Китае, 2015 (www.lib.tpu.ru/fulltext/v/Conferences/2012/C1/172.pdf).

⁴ См. в сб.: Модернизм в литературах Азии и Африки. Очерки / Под ред. А.В. Образцова; СПбГУ, Восточный факультет. СПб., 2014; Постмодернизм в литературах Азии и Африки. Очерки / СПбГУ, Восточный факультет. СПб., 2010.

⁵ *Bandel Katrin.* Sastra, Perempuan, Seks. Yogyakarta: Jalasutra, 2006. (www.katrinbandel.com/).

⁶ *Банит С.В.* Современная женская литература в Индонезии: кризис или прорыв // Проблемы литератур Дальнего Востока. Т. III. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 91–102. <http://www.ifel.spbu.ru/arhiv/pdlv-2010/>

Задача данной статьи – продолжить знакомство с основными авторами и произведениями новейшей индонезийской женской прозы, постараться выявить ее истоки и охарактеризовать специфику.

Женская проза зародилась в Индонезии в крайне сложной социальной атмосфере. В конце 1990-х гг. произошли события, которые положили начало новому этапу в политической, общественной и культурной жизни страны. В 1998 г. ушел в отставку президент Сухарто, находившийся у власти три десятилетия. Закончилась эпоха военного режима – так называемого «Нового порядка», авторитарного правления военно-бюрократической элиты. Началась «реформация», всколыхнувшая общественную жизнь страны. На демонстрациях студентов и во время массовых забастовок звучали требования искоренить коррупцию (в которой прямо обвиняли Сухарто и его семью), соблюдать права человека, уважать гражданские свободы, свободу слова, установить равноправие для национальных меньшинств¹. В первые годы XXI в. в Индонезии сменились три президента, среди которых была и женщина – Мегавати Сукарнопутри². Избрание женщины на пост главы государства – явление в жизни мусульманской страны уникальное. Это свидетельствовало о существенных изменениях в сознании народа современной Индонезии.

Повышение роли женщины в общественной и культурной жизни страны протекало в крайне сложной обстановке: острая борьба за власть, вспышки сепаратизма, восстания, подъем исламского радикального движения и теракты³. «Реформация» послужила общественной предпосылкой и фоном формирования литературных тенденций последних десятилетий, что отразилось на художественном поиске писателей, тематике и проблематике их произведений. Одним из самых интересных явлений, вызвавших в Индонезии острые дискуссии, стала «женская проза».

Вопросы, связанные с распространением новой тенденции, начали анализироваться в художественной критике, публицистике, а ряд произведений в силу своей «скандальности» получил широкую огласку в СМИ. Именно благодаря индонезийским журналистам появился особый термин *састра ванги*⁴. На индонезийском языке *састра* означает «литература», *ванги* – «аромат». В отечественной индонезистике этот термин переводится как «ароматная литература»⁵.

Приверженцы и критики этой литературы сходятся во мнении, что возникновение популярности и даже моды на авторов-женщин и выведение в их произве-

---

¹ Многие этнические китайцы, граждане Индонезии, подвергались репрессиям под предлогом их связей с коммунистами. В 2000 г. Президент Абдурахман Вахид вернул статус равноправной этнической группе Индонезии индонезийским китайцам, отменив постановление 14 от 1967 г. о фактическом запрете китайской идентичности. Подробнее см.: Iskandar Jusuf. *Bangsa Tionghoa di perantaraan jadi bangsa Indonesia suku Tionghoa*. Jakarta: Percetakan PT Subur Jakarta, 2014.

² Мегавати Сукарнопутри, дочь Сукарно, первого президента республики Индонезии, до сих пор играет одну из ключевых ролей в политике.

³ Подробнее см.: *Другов А.Ю.* Религия, общество и власть в современной Индонезии / Институт Востоковедения РАН. М., 2014; *Политические системы стран Юго-Восточной Азии*. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 123–156.

⁴ *Khristianto*. Beberapa aspek seputar sastra wangi // *Leksika*. 2008. Vol. 2. № 2. Agustus. H. 11–20 (<http://download.portalgaruda.org/article.php?article=9873&val=631>).

⁵ «Критики-мужчины отнесли произведения Джэнар (Джэнар Маэса Айю, см. ниже. – М.Ф.) к «ароматной литературе» (*sastera wangi*), как часто называют женскую литературу, желая показать ее несущественность. Они объясняют ее популярность сквернословием и использованием секса в качестве основной темы» (*Банит С.В.* Современная женская литература в Индонезии: кризис или прорыв. С. 96).

дениях на первый план давних гендерных проблем¹ – явление противоречивое и неоднозначное, требующее серьезного и пристального изучения.

В центре внимания оказались вопросы истоков и предпосылок возникновения женской литературы и специфики этого феномена².

Одним из первых авторов, привлечших внимание читателей и критиков к женской прозе, единодушно считается писательница Айю Утами (род. 1968). Ее роман «Саман» (*Saman*, 1998)³ практически сразу стал бестселлером, принес ей известность и может считаться знаковым для этой литературы текстом. Вслед за первым романом писательница публикует его продолжение – роман «Ларунг» (*Larung*, 2001), тоже ставший популярным. Эта диалогия сделала Айю Утами лидером течения сафра ванги, которым она остается до сих пор. Писательница в романе «Саман», пожалуй, впервые в индонезийской литературе актуализирует феминистское сознание женщин Индонезии в последние годы режима «Нового порядка» (основные события романа разворачиваются в 1996 г., «сумерки» правления Сухарто⁴). Рассказывая о судьбе поколения, детство и юность которого приходится на сложное в истории страны время, автор более всего сосредоточен на событиях 1960-х и 1980-х гг. (время действия романа шире, оно охватывает весь XX век), определивших характеры главных героев и их жизненные пути. В основу многоходового сюжета романической диалогии легла полная драматизма частная история участников движения сопротивления Сухарто и «Новому Порядку». Политическая борьба неотделима от личной жизни и судеб персонажей⁵. Утами создает образы подруг разного этнического происхождения, разного социального положения, воспитания и окружения, убеждений и увлечений. Всего героинь четыре: Шакунтала, Лейла, Чокорда и Ясмин. Они представляют собой разные типы городских молодых женщин среднего класса, которые не боятся

Айю Утами

¹ *Torchia Chr., Djuhari L.* Indonesian Slang. Singapore: Tuttle Publishing, 2007. P. 201–202.

² *Janssen P., Wilson J.* Indonesian Literary Ladies. Newsweek International, 20.10.2003 (www.highbeam.com/doc/1G1-108919792.html).

³ *Utami Ayu.* Saman. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, 1998.

⁴ *Utami Ayu.* Larung. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, 2001. В интервью для «Джакарта Пост» Утами сообщает, что начала работу над «Ларунгом» в 1997 г., и изначально два получившихся романа задумывались как один (Hera Diani. Some straight talking with author Ayu. 11.11. 2001. www.thejakartapost.com/news/2001/11/11/some-straight-talking-with-author-ayu.html).

⁵ Идея сюжета о четырех подругах, посетивших по разным причинам Нью-Йорк в середине 1996 г., напоминает книгу Кендис Бушнелл и снятый по ее мотивам популярный телесериал «Секс в большом городе» (Candace Bushnell. Sex and the City, 1996).

открыто обсуждать вопросы сексуального характера и вести беседы о гендерном неравенстве. После выхода романа распространилось мнение, что секрет успеха «Самана» не что иное, как издевательство над давней традицией изображения женщин, главными качествами которых в патриархальной восточной культуре являются скромность и непорочность. Утами наделяет своих героинь совершенно противоположными чертами. Женщины на страницах ее книг заговорили открыто на волнующие их темы (в первую очередь, на тему секса).

Одной из героинь романной дилогии по имени Шакунтала присущи «мужские» черты характера: активность, инициативность, стремление к лидерству. Андрогинность ее облика и бисексуальность (что в немалой степени вызвало негативную реакцию читателей и критиков), с одной стороны, выглядят как стремление утвердить неограниченную свободу поведения, сопротивление нормам традиционной культуры. В то же время в этом явно просматриваются ассоциации с практиками первобытной культуры, что делает Шакунталу похожей на индонезийского «шамана превращенного пола»¹. Шакунтала – профессиональная танцовщица, ее танец со сменой масок становится символическим инструментом магических превращений из женщины в мужчину. Шакунтала танцует «Рамаяну», исполняя роли главных героев (принца Рамы, его похищенной супруги Ситы и демона Раваны). Героиня рвет отношения с отцом и братом, уезжает в Нью-Йорк. Образ жизни Шакунталы – вызов патриархальному обществу. В ином ключе автор показывает этот вызов в образе Ямин. Это тип современной деловой женщины со стабильной карьерой, счастливым, но бездетным замужеством «на западный манер».

В культуре Индонезии смешались многие заимствованные элементы – начиная с Древности, эпохи «индийской античности» (термин Б.Б. Парникеля) и заканчивая несомненным западным, американским и европейским, влиянием. Хронологически эти периоды разделены эпохой ближневосточного воздействия: средневековые комплексы малайской и яванской словесностей во многом строились на цитациях и переложениях из персидской средневековой литературы.

В романах «Саман» и «Ларунг» образы четырех героинь несут разные литературные коды. Имя Шакунтала ассоциируется с одноименной индийской драмой Калидасы², имя Лейла – знаковое для ближневосточной традиции благодаря великой поэме Низами «Лейли и Маджнун». Имя указывает на душевное состояние героини, страдающей от несчастной любви³. «Лейла Утами», так же как и «Лейли Низами», страшится огласки связи с женатым мужчиной и реакции своих родителей-мусульман. Их гнев может быть так же страшен, как и гнев родителей третьей героини Чокорды, которая своим поведением бросает тень на доброе имя своей

---

¹ Ревуенкова Е.В. Трансвестизм и перемена пола у шаманов Индонезии (Калимантан и Сулавеси) // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. / Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред: Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова]. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 348–353 (www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-211-1/978-5-88431-211-1_78.pdf).

² В основу драмы Калидасы «Шакунтала», или «Вновь узнанная Шакунтала», положен миф о небесной деве, родившей царю Душьянте сына Бхарату – великого героя и прародителя героев Махабхараты, Пандавов и Кауравов. Через образ Шакунталы в романе Утами словно соединяются времена далекого прошлого и современности, и как персонаж она воплощает наследие домусульманской эпохи. См.: Калидаса. Шакунтала / Пер. К. Бальмонта; вступ. статья и коммент. И.С. Рабиновича. М.: ГИХЛ, 1955.

³ Подробнее о «тяжких вздохах Лейли» в персидской традиции см.: Восток / Под общ. ред. А.А. Болотникова, В.А. Гордлевского, Н.И. Конрада, И.Ю. Крачковского, акад. С.Ф. Ольденбурга, А.Н. Тихонова. Сб. 2: Литература Ирана X–XV в. М.; Л.: Academia, 1935. С. 259–314.

балийской семьи¹, необычайно гордой уникальностью культуры Бали, устоявшей перед исламизацией.

Строгие критики увидели в образах героинь Айю Утами дискредитацию индонезийских женщин, обвинение их в порочности и избыточную демонстрацию интимных подробностей жизни. Героини романа, однако, озабочены не только интимными проблемами. Они ведут активную политическую деятельность, борются за права человека в Индонезии и готовы жертвовать во имя своих идеалов жизнью. Трагическая случайность приводит политических активистов, в том числе главных героев Самана и Ларунга, к гибели в финале романа.

Подобное понимание феминизма не чуждо индонезийским женщинам. Более того, оно в ряде случаев опирается на традицию. Положение женщины на островах Индонезии в древности не было ниже положения мужчин, а в некоторых культурах, например у суматранской народности минангкабау, исповедующей ислам, до сих пор сохраняются матриархальные семейные ценности. На средневековой Яве женщин обыскивали на предмет ношения под одеждой изогнутых яванских кинжалов (крисов), а положение женщин и мужчин в яванском доме считалось равным.

Композиция романа Утами основана на постмодернистском принципе «калейдоскопа»; изложение субъективно, стирается грань между автором, персонажем и читателем. Основной единицей романной структуры являются не главы, а «записи» с редкими указаниями их даты и места. Это придает произведению некоторое сходство с дневниками и мемуарами. Об одном и том же событии повествуют разные персонажи, каждый раз по-новому, один и тот же эпизод приобретает объемность и многогранность, получает разную оценку. Можно говорить в данном случае об использовании постмодернистского приема «кривого зеркала» или «отражения в воде». Символ бесконечного отражения и искажения наиболее полно воплощается в рассказанной матерью Самана «докучной сказке» о вороне, которая смотрела на свое отражение в колодце, где она видела ворону, которая смотрит на свое отражение. Образ вороны, сидящей на краю колодца, появляется как бессознательная «навязчивая мысль» в мыслях Самана. Фраза «ворона села на колодец» пять раз воспроизводится в хаосе кошмарных снов и видений героя, в его предсмертных мыслях и воспоминаниях².

Искаженное, бесконечно повторяющееся «кривое» отражение и преднамеренно путаное изложение становятся отличительными признаками стиля романа, образы которого во многом построены на устойчивых мифологических конструктах, переосмысленных в постмодернистском свете. Одну из своих задач Айю Утами видит в установлении культурного диалога между домусульманским прошлым островов архипелага и современностью. Герои-современники книг Айю Утами погружаются в яванскую и балийскую мистику, обращаются к народным верованиям, говорят о призраках, о народных приметах и гаданиях, толкуют сны и предзнаменования, вспоминают о духовных практиках прошлого, об отшельничестве. Иными словами, привлекают внимание читателя к обычаям, продолжающим жить в нерадикальных кругах общества, официально исповедующего ислам. Прошлое прихотливо переплетается с современностью: в «сумеречном мире» романов Айю Утами герои сталкиваются с проблемами ЛГБТ-сообщества, инвалидов, карликов, цирковых уродцев, людей, страдающих психическими болезнями. Романы

¹ Исповедуют уникальную религию хинду-дхарма, или балийский индуизм. Подробнее см.: *Covarubbias M. The Island of Bali (1937)*, Hong Kong: Periplus Limited, 2008.

² *Ayu Utami. Larung (2001)*. Jakarta, KPG, 2008. Н. 167, 184, 188–190.

созданы с использованием игровой поэтики, с элементами культурологического, «археологического» детектива, обнажающего культурные слои и «мутации» культуры региона, привнесенные постепенно индийской, ближневосточной и европейской волнами.

Свой творческий метод Утами определяет как «критический спиритуализм»¹, манифест которого изложен в ее романе «Число Фу» (2008)². Для автора важно подчеркнуть, что критиковать – не значит ненавидеть. Роман открывается посвящением писательницы: «Моей стране Индонезии, которую с грустью я люблю». Постулаты «критического спиритуализма» формулируются от лица рассказчика, молодого человека по имени Юда, и в изложении его друга, второго главного героя Паранг Джати. Юда и Паранг Джати противостоят в своих убеждениях трем врагам на букву «М», что в композиционном плане соответствует трем частям романа: «Модернизм» (21 глава), «Монотеизм» (12 глав), «Милитаризм» (19 глав). В системе персонажей заметное место принадлежит героине-женщине – любимой Юды по имени Марджа. Образование «любовного треугольника» является важным средством развития сюжета. Юда, одержимый страстью к Мардже, и Паранг Джати, которого связывают с ней платонические отношения, представляют собой два противоположных типа «яванского человека», касар и халус³, любящих свою родину, символически представленную в женском образе.

Айю Утами критикует три «М» (модернизм, монотеизм и милитаризм), которые, по мнению писательницы, ставят под угрозу демократические процессы в современной Индонезии. Под модернизмом понимаются процессы вестернизации и глобализации, негативно влияющие на менталитет современных индонезийцев, у которых стирается генетическая память. Они больше не верят в древние мифы, не поклоняются горам и океану, не помнят своих корней, не чтят традиции предков и за это получают кару от богов – разрушение природы крупными западными горнодобывающими компаниями. Монотеизм (в первую очередь – заметное укрепление ислама) определяется Утами как «Религия Неба», которая, в отличие от «Религии Земли» (анимизма), не заботится о природе и окружающей среде. Угроза утраты традиционной синкретической яванской культуры кеджавен (синтез исламской мистики, суфизма, индо-буддийской «античности» и анимистических культов), попытка индонезийцев интегрироваться в мировое исламистское движение не в последнюю очередь обрекает Индонезию на приближение к глобальной экологической катастрофе. Милитаризм – главный враг демократии в эпоху Нового Порядка, не исчезнувший окончательно и в постреформационный период.

Название романа – «Число Фу» – оригинальная постмодернистская игра Айю Утами с нумерологией, двоичным кодом, репрезентация манифеста автора.

Напоминающий спираль или раковину значок «ни единицы ни нуля» и есть магическое число «фу», формулу которого видит Юда в эротическом сне с суккубом

¹ Выступление Айю Утами 06.03.2015 (www.youtube.com/watch?v=9YW2nJxvirk).

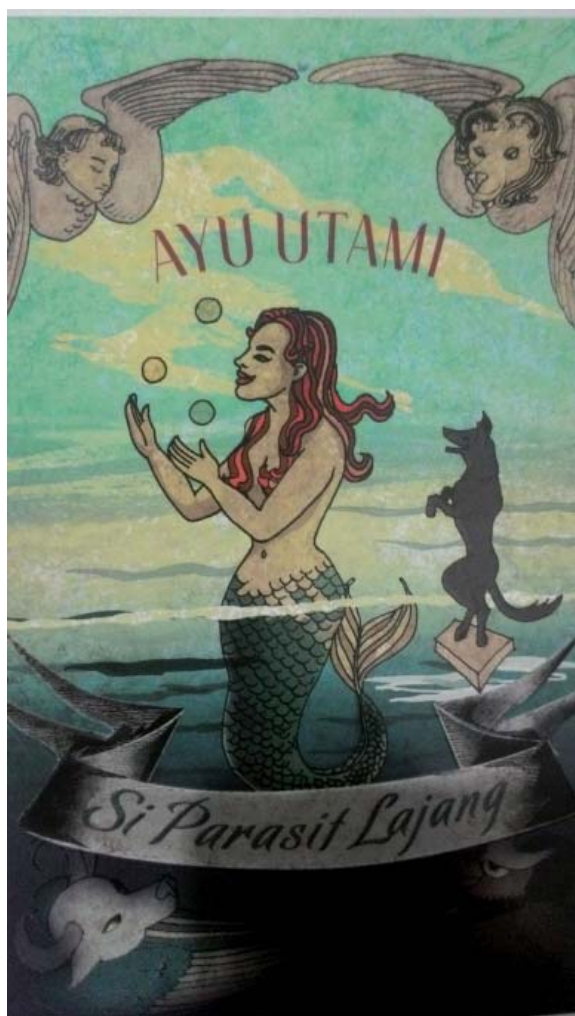
² *Utami Ayu. Bilangan Fu. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, 2008.*

³ Дуализм яванского мировоззрения проявляется в одной из его центральных понятийных оппозиций халус – касар. Халус (дословно «утонченный по внешности, характеру, поведению») относится ко всему возвышенному, а касар (дословно «грубый») – к плотскому и приземленному. В традиционном театре и словесности Явы категория халус принадлежит благородным принцам и положительным героям, а касар характеризует облик демонов и злодеев. Подробнее см.: *Mulder N. Mysticism and Everyday Life in Contemporary Java. Singapore University Press, 1978; Geertz C. The Religion of Java. New York: The Free Press of Glencoe, 1960.*

Женщиной-шакалом. Она плод воображения самого Юды, дух «волшебной горы» Ватугунунг, которую он покоряет.

Герои Айю опровергают догматику религиозных учений (модернистский ислам) и безрассудной веры в сегодняшний цивилизованный («западный») мир. Современная наука вовсе не совокупность заблуждений, говорит своим читателям Айю Утами, но опасны и крайности, которые можно преодолеть диалектикой критического спиритуализма, соединяющего абсолютность и относительность знаний о мире. Убеждения Марджи в духе феминистской критики развивают значимые, но отошедшие в романной серии на второй план гендерные вопросы.

В ином ключе Айю создает свою трилогию «Одинокий паразит»¹. Первая часть – книга заметок одинокой молодой женщины, живущей в мегаполисе Джакарте. Приближаясь к своему тридцатилетию, она дает себе обет не выходить замуж и называет себя «Одинокий Паразит» – термин, появившийся в Азии благода-

Одинокий паразит

ря японским феминисткам². Заметки «городской девчонки среднего класса» по имени А искрят чувством юмора. Трилогия «Одинокий паразит» написана легко, простым, понятным языком, ориентирована на массового читателя. Героиня А разбирается в проблемах сексуального и духовного характера, и ее оценкам предшествуют занимательные истории-иллюстрации. Изложение взглядов на вопросы девственности, брака, статуса разведенной или незамужней женщины представляет собой реакцию героини А на постулаты сугубо патриархальной культуры. Роман той же серии «Исповедь бывшего Одинокого паразита»³, т. е. знакомой читателю «несвятой» героини А, имеет еще более выраженную мемуарную основу и автобиографические черты. В повествовании явно доминируют гендерные вопросы. Сложность личных отношений героиня видит не в разнице религий, не в различиях и «взаимных претензиях» этнических сунданцев и яванцев: проблемы были в том, что «Ник был мужчиной, а я – женщиной»⁴. Героиня А все-таки выходит замуж, но делает это не из-за давления обще-

ства, а по собственному желанию, так как встречает союзника и единомышлен-

¹ *Utami Ayu. Si Parasit Lajang. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, 2013.*

² *Hiroyuki Takahashi & Jeanette Voss. 'Parasite Singles' – a Uniquely Japanese Phenomenon? // JEI report. № 31. 11.08.2000. (www.jei.org/Restricted/JEIR00/0031f.html).*

³ *Utami Ayu. Pengakuan Eks Parasit Lajang. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, 2013.*

⁴ *Utami Ayu. Pengakuan Eks Parasit Lajang. H. 30.*

ника (прототипами являются сама Айю Утами и ее муж Эрик Прасетью). Вслед за оглушительным успехом Айю Утами Индонезию захлестнула волна женской литературы. Художественной амальгамой индонезийских гендерных вопросов становится роман «Супернова: Кшатрий, Принцесса и Падающая Звезда» (2001)¹, ставший первым в серии «Супернова» писательницы Деви Лестари (род. 1976). Серия бестселлеров «Супернова» представляет собой увлекательное мозаичное повествование. Все романы серии объединены общими героями, «переходящими» из книги в книгу. Сквозным символом всех романов серии является Супернова (сверхновая звезда, заканчивающая свою эволюцию в катастрофическом взрывном процессе), трактуемая как «Новый Мессия» современности. Супернова как «Пророк новой эпохи» появляется и существует в виртуальной реальности. Любой человек может написать электронное письмо Супернове, задать ей вопрос и получить ответ на него. Помимо ответов на письма людей, Супернова транслирует в сети свой манифест, напоминающий проповедь. Никто не знает, кто это на самом деле, мужчина или женщина, сколько ему / ей лет, чем он / она занимается и существует ли вообще. В последующих частях серии образ Суперновы сильно

Обложка романа Деви Лестари «Супернова: Кшатрий, Принцесса и Падающая звезда»

меняется и отходит на второй план, сохраняя при этом свою главную задачу – объединить разрозненные истории в одно целое с помощью цементирующего образа падающей звезды. Это самый сложный и насыщенный образ романа, проецируемый на женский персонаж по имени Дива (лат. «Богиня», в современном дискурсе СМИ слово «звезда» – как «рок-звезда», «кинозвезда» и т. д.). Он воплощает космический архетип, который впоследствии оказывается новым интернет-Мессией, «кибер-аватаром» и Суперновой в одном лице.

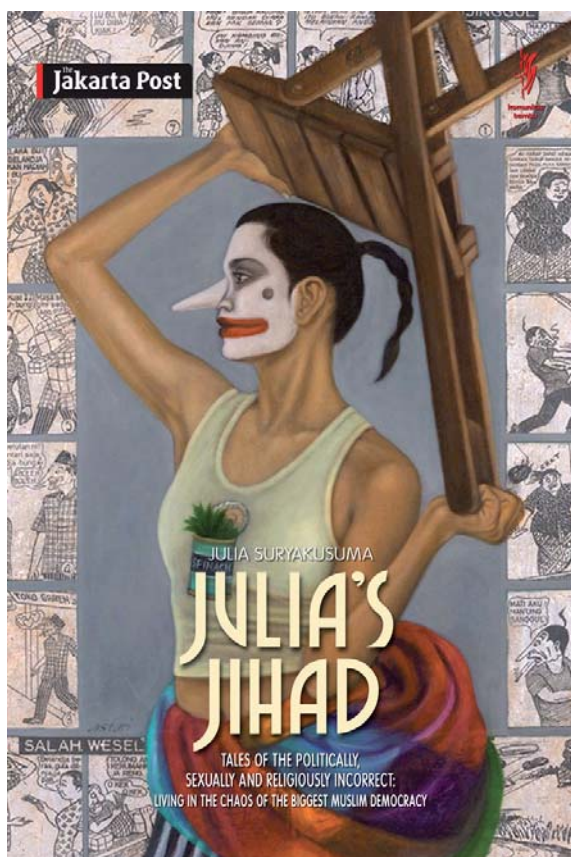
Род занятий Дивы (проституция), сомнительная слава и деньги – цитация древнего культа Великой богини (в том числе Иштар, в которых она предстает в образе сияющей звезды).

Информационная паутина, Сеть, киберпространство также выступают в повествовании в своих различных аспектах. Паутина, изображенная на обложке книги, помимо модели космоса, – всепоглощающая смертельная ловушка Интернета: соединяя людей, способствуя

коммуникации, Сеть является мощным инструментом, симулирующим реальность, и, следовательно, важной проблемой современности. Читатель держит в руках специально напечатанную на плохой бумаге недорогую книгу. В предисловии объясняется, что это просто насмешка над пиратами: все равно книгу можно будет скачать из сети. По сюжету два героя, пара любовников-геев, пишут свой роман, задумывая

¹ Dee (Dewi Lestari). Supernova. Ksatria, Putri dan Bintang Jatuh. Bandung: Trudee books, 2001.

объяснить читателю в простой и занимательной форме принципы фрактальной геометрии Мандельброта и нелинейной синергетики; в созданном ими тексте используются и объясняются понятия турбулентности, аттрактора, свойства некоторых хаотических систем (эффект бабочки), приводятся примеры мысленных экспериментов (кот Шрёдингера) и другие вопросы современной науки и философии, связанные с квантовой механикой. В популярной форме с установкой на пресловутый public shock Деви Лестари создает фигуру Нового Пророка и Мессии из сети Интернет и ее воплощение в облике Дивы. Дополнительные выдуманные персонажами-рас-

Обложка сборника статей Джулии Сурьякусумы «Джихад Джулии»

сказчиками образы Кшатрия (принца и война), Принцессы и Падающей Звезды выстраивают поэтику романа по постмодернистскому принципу хаосмоса и дают свои проекции на образы других вымышленных персонажей «романа в романе». Произведения, последовавшие за первым «эпизодом» «Суперновы», подняли популярность Деви Лестари и сделали возможной экранизацию первого эпизода в 2014 г.¹

Социальный аспект женской прозы, согласно постмодернистским принципам, не концентрируется только лишь на литературе: женская публицистика и гендерное кино поднимают, вслед за «сестрой Айю», вопросы насилия в семье, добрачных связей, венерических заболеваний, аборт, сумасшествия и инвалидности. Нашумевшая книга Джулии Сурьякусумы (род. 1954) «Джихад Джулии» (2013)², привлекающая внимание уже одним только своим названием, является, по сути, сборником остроумных статей о хаосе индонезийской жизни. Джулия пишет о секс-рабстве, торговле

людьми, детской проституции, гомосексуализме. Остроумные рассуждения Джулии о проблеме выбора гардероба индонезийской женщины от обтягивающих шорт до джилбаба (индонезийского варианта хиджаба. – М.Ф.), сетования по поводу несовершенства системы здравоохранения (статья о «волшебных таблетках» – антибиотиках), интерпретация неутрачивающих политических и коррупционных скандалов регулярно публикуются в *Jakarta Post* на английском языке. Статьи начинаются с вводных «Однажды моя подруга...» или «Когда в 2006 году прошел закон о порнографии...», и далее описывается забавный случай. Она говорит от себя лично, вспоминает случаи из жизни, приводит примеры своих встреч и разговоров с простыми людьми.

Индонезийский гендерный кинематограф представляют женщины-режиссеры, в первую очередь Ниа Дината (род. 1970) и ее кинокомпания «Кальяна Шира Филм».

¹ Фильм *Supernova*. Студия *Soraya Intercine Films*. Режиссер Ризал Мантовани, релиз 2014.

² *Suryakusuma Julia*. *Julia's Jihad. Tales of the politically, sexually and religiously incorrect: living in the chaos of the biggest Muslim democracy*. Jakarta: Komunitas Bambu, 2013.

Плакат фильма Джэнар Маэса Айю
«Они говорят, я обезьяна!»

Фильм «Ча Бау Кан» о батавской¹ куртизанке начала XX в. затрагивает, помимо истории падшей женщины, остросоциальный «китайский вопрос» (2002)². Диалогия «Собрание» создана в подражание «Сексу в Большом городе» (2003 и 2011)³. Фильм «Как поделить мужа»⁴ поднимает проблему современной практики полигамии (2006). Наиболее пронзительная киноработа – «Женщины с историями»⁵ (2008), созданная в соавторстве с Упи Авианто, Фатимой Рони, Ласджей Фаузой Сусатьо и Мелиссой Карим. Четыре «топографические» киноновеллы с местом действия в провинции («История с острова», «История из Чибинонга»), в туристическом городе с давними яванскими традициями («История из Джокьякарты») и в столице («История из Джакарты») повествуют о насилии, умственной отсталости, раковых заболеваниях, потере девственности, продаже в сексуальное рабство, разлуче-

нии с детьми, преследовании ВИЧ-инфицированной женщины и нежелании идти с ней на контакт. Еще одним знаковым фильмом стала работа писательницы, сценариста и режиссера Джэнар Маэса Айю (род. 1973) «Они говорят, я обезьяна!» (2007)⁶, созданная по мотивам ее рассказов из одноименного сборника. Следуя общей тенденции «выламывать все табу»⁷ (по выражению Катрин Бандель), новое литературное сообщество Индонезии характеризуется разнополярностью общей гендерной тематики. Примером такого многообразия может послужить творчество Динар Рахайю (род. 1971), школьной учительницы химии. Фотографии автора в хиджабе украшают обложку ее книги «Ода Леопольду фон Захеру-Мазоху» (2002)⁸ – романа о транссексуалах, построенного на постмодернистском обыгрывании греческой и скандинавской мифологии. Смелые произведения в духе индонезийского «феминизма позднего старта» вызывают неоднозначную реакцию, в особенности в неоконсервативных кругах приверженцев религиозных ценностей

¹ Батавия – колониальное название Джакарты в честь полулегендарных предков голландцев, батавов.

² «Са Вау Кан». По роману Реми Силадо. Режиссер Ниа Дината. Кальяна Шира Филм, релиз 2002.

³ «Arisan!», «Arisan 2». Режиссер Ниа Дината, Кальяна Шира Филм. Релизы 2003 и 2011.

⁴ «Verbagi suami». Режиссеры Ниа Дината, Кальяна Шира Филм, релиз 2006. В англоязычном прокате под названием «Love to Share».

⁵ «Perempuan Punya Cerita». Режиссеры Упи Авианто, Ниа Дината, Фатима Рони, Ласджа Фауза Сусатьо. Кальяна Шира Филм, релиз 2008. В англоязычном прокате под названием «Chants of Lotus».

⁶ *Maesa Ayu Djenar. Mereka bilang, saya monyet!* Jakarta: Gramedia Pustaka Utama, 2002. Фильм «Mereka bilang, saya monyet!», режиссер Джэнар Маэса Айю. Интимаси Продакшн и Плаза Сенаян, релиз 2007.

⁷ *Bandel Katrin. Sastra, Perempuan, Seks.* Yogyakarta: Jalasutra, 2006. (www.katrinbandel.com/).

⁸ *Rahayu Dinar. Ode untuk Leopold von Sacher Masoch.* Jakarta: Pustaka Jaya, 2002.

(в первую очередь, ислама). В качестве альтернативы «ловушкам демократических свобод» (выражение Джэнар Маэса Айю) предлагается уход в нетрадиционный для жителей большинства островов Индонезии ислам «на арабский манер»¹.

Постколониальный неореализм Ратих Кумалы (род. 1980) отличает ее от многих последовательниц састра ванги: писательница придерживается строгого художественного стиля. Роман «Девушка с гвоздичной сигаретой»² характеризуется типичными постмодернистскими чертами в плане композиции: семейная сага рассказана мозаично и прерывисто. Основным двигателем сюжета служит наказ Ромо Сурайи, умирающего отца семейства, разыскать некую Дженг Ях из яванского города Кудуса, который славится своим производством сигарет с гвоздикой. Сыновья Сурайи отправляются на поиски. Главы об изображаемом настоящем (братья едут в Кудус) перемежаются с главами, в которых обособленно идет линейное повествование о двух конкурентах, производителях кретека³, и их семьях.

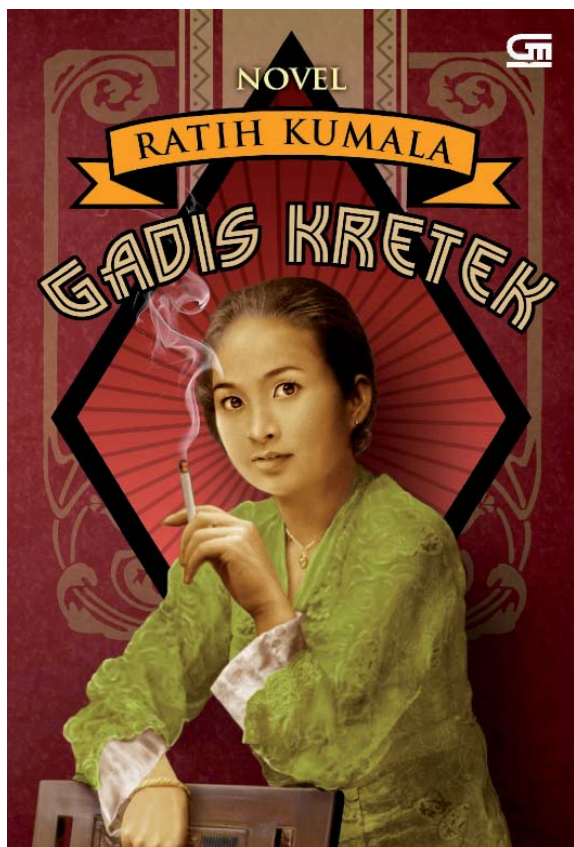
Выясняется, что Дженг Ях была любовью их отца до того, как он женился на их матери. История возвышения отца начинается со времен крушения голландской колонии и начала японской оккупации (1942 г.), когда в соперничество за лучший кретека вступают двое «заклятых» друзей: Идрус и Суджагад, у которых рождаются только дочери. Идрус и Суджагад соревнуются в изобретении новых видов кретека и используют новые «маркетинговые ходы»: удачным оказывается предложение подростковой дочери Идруса, Дасиях, продвигать на рынок кретека для женщин. Молодая и энергичная Дасиях по прозвищу Дженг Ях сама начинает вести бизнес, и на одной из выставок с ней знакомится молодой человек по имени Сурайя, человек «из низов». Сурайя не хочет паразитировать на бизнесе семьи своей невесты и находит средства для своей собственной марки кретека. Деньги ему выделяет Коммунистическая Партия Индонезии. Свадьбу Дженг Ях и Сурайи назначают на октябрь 1965 г. Во время событий 30 сентября⁴ Сурайя бежит, его товарищей по партии расстреливают и топят в реке, в дом Идруса приходит наряд и арестовывает его и Дженг Ях. По счастливой случайности их реабилитируют и оставляют в живых. Тем временем Сурайя бежит в город М и укрывается в доме знаменитого производителя кретека Суджагада. В судьбе Сурайи все повторяется: он снова начинает работать на фабрике кретека и женится на старшей дочери владельца. Три брата находят дом Дженг Ях в яванском городе Магеланге. Дверь открывает женщина средних лет, которая представляется как Дженг Ях Вторая, младшая сестра «той» Дженг Ях. Братья узнают, что сама Дженг Ях Первая умерла при родах, когда вышла в 32 года замуж за простого честного человека, ее ребенка удочерила младшая сестра, у которой только сыновья. Сигареты кретека семья давно не производит; Дженг Ях Вторая еще раз рассказывает историю предательства Сурайи и его женитьбы на дочери конкурента. После смерти отца – Ромо Сурайи – один из братьев закуривает кретека для девушек старого производства Дженг Ях и осознает, что рецепт его изготовления был украден его отцом у самой Дженг Ях. Молодой человек возвращается в дом Дженг Ях Второй и выплачивает

¹ Например, экранизация романов Хабибурахмана эль-Ширази «Айяты любви» («Ayat-ayat Cinta», 2008) популяризирует дидактику исламских моралистов.

² *Kumala Ratih. Gadis Kretek. Jakarta: Gramedia Pustaka Utama, 2012.*

³ Оригинальное название романа содержит слово *кретека*, что означает звукоподражательное потрескивание индонезийских сигарет с табаком, смешанным с толченой гвоздикой.

⁴ Кровавые события 30 сентября 1965 г., повлекшие за собой смену правительства Сукарно режимом генерала Сухарто. Массовые казни коммунистов были частью установления военной диктатуры.

Обложка романа Ратих Кумалы «Девушка с гвоздичной сигаретой»

его жена Румайса так и не родила ему сына. Ему вполне хватало Дасиях, хотя она и не была мужеподобной ни в чем, но была наделена энергией мужчины, который способен нести ответственность за себя и семью. Дочь обладала некой инстинктивной предрасположенностью к ведению семейного бизнеса по производству кретека»². Автор пишет в спокойной манере и всегда находит способ заинтересовать читателя необычными сравнениями, характерными для яванской старины. Роман интертекстуально связан с яванскими хрониками XVII в., хранящими предание о яванской предприимчивой девушке Роро Мендут, которой удалось создать свое производство сигарет с гвоздикой. В истории соперничества за женщину между двумя заклятыми врагами возникают сравнения с героями Махабхараты: Румайса словно Друпаци, которую злодей Курава хочет забрать у ее мужа Юдистирь³. Отдельного внимания заслуживает оформление романа художником Иксака Бану: каждая глава иллюстрируется стилизованной пачкой сигарет. Ретро-плакат с девушкой в национальной яванской одежде – в кебае и саронге, с зажженной сигаретой в руках – на обложке романа. Критики и читатели единодушны во мнении, что Ратих Кумале удастся передать дух Индонезии, запахи индонезийской еды и старых домов, запахи сигаретной фабрики, китайских складов

ей денежную компенсацию, примиряя враждующие дома.

Дженар Маэса Айю высоко оценивает творчество Ратих Кумалы, акцентируя внимание на том, что она «показывает силу женщины в мире, где, как считается, правят лишь мужчины»¹.

Трехуровневая композиция и интрига, которая закручивается вокруг фигуры Дженг Ях, – секрет успеха романа Ратих Кумалы. Действие романа начинается в голландской Ост-Индии и продолжается в настоящем времени. История предпринимательницы Дженг Ях значительно отличается от общего потока женской прозы, хотя и затрагивает актуальную тему положения женщины в мире бизнеса, стойкости женского характера, «женского мужества». Благородный характер женских персонажей словно противопоставлен не лишенным слабостей мужским образам, которые сильно проигрывают по своим моральным качествам слабому полу. «Идруса Мурия больше не беспокоило то, что

¹ Kumala Ratih. *Gadis Kretek*. Jakarta: Gramedia Pustaka Utama, 2012. Н. 277.

² Kumala Ratih. *Gadis Kretek*. Н. 176.

³ Kumala Ratih. *Gadis Kretek*. Н. 196.

и маленьких магазинчиков варунгов, терпкие и пряные ароматы улиц яванских городов и запах дыма неизменных сигарет с гвоздикой¹.

Индонезийская литература, ранее «законсервировавшаяся» в своем патриархальном укладе, создававшаяся на протяжении многих веков мужчинами, пережила серьезные изменения. Новый политический и социальный этап в жизни страны способствовал возникновению большого количества произведений, созданных индонезийскими писателями-женщинами и ставших популярными, получившими большой общественный резонанс, собравшими вокруг себя поклонников и последователей идей своих произведений.

С точки зрения поэтики женская литература Индонезии преимущественно развивается в русле постмодернизма, являясь одновременно элитарной и массовой. Глубина проблематики некоторых значимых и признанных произведений састра ванги позволяет охарактеризовать женскую прозу как важный и яркий этап в процессе ее современного развития молодой литературы республики Индонезии.

ЛИТЕРАТУРА

Банит С.В. Современная женская литература в Индонезии: кризис или прорыв // Проблемы литератур Дальнего Востока. Т. III. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 91–102 (www.ifel.spbu.ru/arhiv/pdlv-2010/).

Гендерная проблематика в современной литературе (Теория и история литературоведения): Сб. науч. трудов / ИНИОН РАН. М., 2010. 215 с.

Жеребкина И.А. Прочти мое желание... Постмодернизм, Психоанализ, Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. 256 с.

Хрестоматия феминистских текстов / Пер.; под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000 (philos.nsu.ru/study/Xrest_fem_texts.pdf).

ИНТЕРВЬЮ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

Айю Утами. О вере и грехе. Энди Будиман. Интервью для «Немецкой волны» 21.05.2013 (www.dw.de/ayu-utami-tentang-iman-dan-dosa/a-16768358).

Выступление Айю Утами 06.03.2015 (www.youtube.com/watch?v=9YW2nJxvirk)

Hera Diani. Some straight talking with author Ayu. 11.11. 2001 (www.thejakartapost.com/news/2001/11/11/some-straight-talking-with-author-ayu.html).

REFERENCES

Banit S.V. Modern Female Literature in Indonesia: Crisis or Breakthrough. Issues of Far Eastern Literatures. S.-Petersburg State University Publ. 2010. Vol. III, pp. 91–102 (www.ifel.spbu.ru/arhiv/pdlv-2010/).

Gender Problem in Modern Literature. Anthology. Moscow, 2010. 215 p.

Zherebkina I.A. (2000) Read my Desire... Postmodernism, Psychoanalysis, Feminism. Moscow. 256 p.

Selections of feminist literature. Anthology. S.-Petersburg, 2000.

REVIEWS AND CRITIQUE (INDONESIAN)

Katrin Bandel. Sastra, Perempuan, Seks. Jogyakarta, Jalasutra, 2006. 166 p.

¹ См. рецензию Сильвии Галикано от 23–29.04.2012 «Интрига вокруг сигареты кретека» в журнале «Детик» (ratihkumala.com/blog/intrik-dari-selinting-kretek-905.php).

Khristianto. Beberapa aspek seputar sastra wangi. *Leksika*. 2008. Vol. 2. Agustus. No 2, hh. 11–20 (download.portalgaruda.org/article.php?article=9873&val=631).

Peter Janssen, Juliana Wilson. Indonesian Literary Ladies. *Newsweek International*, 20.10.2003 (www.highbeam.com/doc/1G1-108919792.html).

Silvia Galikano. Intrik dari selinting kretek. *Журнал «Детик»*. 23–29.04.2012 (ratihkumala.com/blog/intrik-dari-selinting-kretek-905.php).

THE ORIGINAL TEXTS

Utami Ayu. (1998) *Saman*. Jakarta. Kepustakaan Populer Gramedia. 195 h.

Utami Ayu. (2001) *Larung*. Jakarta. Kepustakaan Populer Gramedia. 263 h.

Utami Ayu. (2008) *Bilangan Fu*. Jakarta. Kepustakaan Populer Gramedia. 536 h.

Utami Ayu. (2013) *Si Parasit Lajang*. Jakarta. Kepustakaan Populer Gramedia. 201 h.

Utami Ayu. (2013) *Pengakuan Eks Parasit Lajang*. Jakarta. Kepustakaan Populer Gramedia. 307 h.

Dee (Dewi Lestari). (2001) *Supernova*. Ksatria, Putri dan Bintang Jatuh. Bandung. Trudee books. 226 h.

Djenar Maesa Ayu. (2002) *Mereka bilang, saya monyet!* Jakarta. Gramedia Pustaka Utama, 136 h.

Rahayu Dinar. (2002) *Ode untuk Leopold von Sacher Masoch*. Jakarta. Pustaka Jaya. 148 h.

El Shirazy Habiburrahman. (2003) *Ayat-ayat cinta*. Jakarta. Republika Pesantren Basmala Indonesia. 418 h.

Ratih Kumala. (2012) *Gadis Kretek*. Jakarta. Gramedia Pustaka Utama. 274 h.

TEXTS IN ENGLISH

Suryakusuma Julia. (2013) *Julia's Jihad*. Tales of the politically, sexually and religiously incorrect: living in the chaos of the biggest Muslim democracy. Jakarta. Komunitas Bambu. 500 p.

Hiroyuki Takahashi & Jeanette Voss. 'Parasite Singles' – a Uniquely Japanese Phenomenon? *JEI report*. 2000. No 31 (11.08.2000; www.jei.org/Restricted/JEIR00/0031f.html).

Torchia Chr., Djuhari L. (2007) *Indonesian Slang*. Singapore. Tuttle Publishing. 278 p.

Сведения об авторе:

Марина Владимировна Фролова,
старший преподаватель
Институт Стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова

MarinaV. Frolova,
Senior Lecturer
Institute of Asian and African Studies
Lomonosov Moscow State University
m.v.frolova@gmail.com